

ИВАН БУНИН И ФЁДОР ДОСТОЕВСКИЙ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ЖАНРЕ ПАРОДИИ

Т. А. Дьякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 апреля 2022 г.

Аннотация: в статье речь идёт о последнем сборнике рассказов И. А. Бунина «Петлистые уши» (1954), который писатель лично составлял и редактировал. Издание было задумано Иваном Алексеевичем в контексте поиска путей продолжения классических традиций русской прозы XIX века в веке XX. Важными маяками этого литературного движения для себя он считал наследие Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского. Творчество последнего Бунин воспринимал полемически. Отдельные черты писательского стиля Достоевского обнаруживают себя в поэтике Бунина в форме пародии.

Ключевые слова: русская классика, хронотоп, пародия, литературная традиция, полемика.

Abstract: the article is about the last collection of short stories by I. A. Bunin "Loopy Ears" (1954), which the writer personally compiled and edited. The publication was conceived by Ivan Alekseevich in the context of finding ways to continue the classical traditions of Russian prose of the XIX century in the XX century. He considered the legacy of L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov, and F. M. Dostoevsky to be important beacons of this literary movement for himself. Bunin perceived the work of the latter polemically. Certain features of Dostoevsky's writing style are revealed in Bunin's poetics in the form of parody.

Keywords: Russian classics, chronotope, parody, literary tradition, polemic.

Среди редких изданий И. А. Бунина сборник «Петлистые уши и другие рассказы», вышедший уже после смерти писателя в 1954 г. в Нью-Йорке, занимает особое место. Он знаменателен тем, что является последней книгой, которую автор задумал, сам вел с редактором предпечатную подготовку текста, но не успел её завершить. Заканчивала переговоры с издателями уже Вера Николаевна Бунина.

Рассказы, написанные автором за сорок лет творчества, начиная с 1900 г., были собраны таким образом, чтобы органично вплести в сборник эссе об А. П. Чехове. Бунин планировал тематически разделить книгу на три части: первая, открывающаяся рассказом «Петлистые уши», должна была нести трагическое настроение; вторая, начинающаяся с рассказа «Аглая», вызывать светлые и благодатные чувства; а третья посвящалась А. П. Чехову. Работа над эссе, к сожалению, не была завершена, а потому сборник окончился рассказом «Сны», публикацию которого в свое время тепло приветствовал Антон Павлович. Последний рассказ сборника имеет постскрипtum, в котором Бунин указывает, что устранил многие недостатки, допущенные из-за спешной первой публикации рассказа «Сны» в сборнике товарищества «Знание» в конце 1903 г.

По воспоминаниям вдовы писателя, очерк о Чехове создавался параллельно с редактурой всего

сборника, что отнимало у Бунина и силы, и время. В 1955 г. в Нью-Йорке вышла книга «Бунин И. А. О Чехове. Незаконченная рукопись», где во вступлении к изданию В. Н. Бунина подчёркивала: «В бессонные ночи Иван Алексеевич, — в последний год жизни он почти лишился сна, — делал заметки на обрывках бумаги, иногда даже на папиросных коробках, — вспоминал беседы с Чеховым» [1, 29].

Данное издание как нельзя лучше иллюстрирует спектр интереса Бунина к русской литературе. Хорошо известно, что Иван Алексеевич стремился в своем творчестве не выходить за границы русской классической традиции XIX века, проявляя особенный интерес к прозе А. П. Чехова и Л. Н. Толстого, демонстрируя эстетическое притяжение к тематике, языку, стилю и идейной направленности наследия этих авторов. Значительно более сложными, во многом неоднозначными, были отношения Бунина к прозе еще одного признанного мастера русской литературы XIX в. — Ф. М. Достоевского.

Вся подборка текстов сборника 1954 г. открывается с рассказа «Петлистые уши». Он отличается от многих других произведений этого издания и тематикой, и своей стилистикой, и очевидными реминисценциями по отношению к текстам Фёдора Михайловича Достоевского.

Рассказ, впервые опубликованный в 1916 г., всегда вызывал активный интерес у читателей и порождал живую реакцию у критиков. Многие из них отмеча-

ли, что Бунин заострил в этом произведении идею культурного вырождения человека в духе теорий итальянского психиатра и криминалиста Ч. Ломброзо. Бунинский же образ Петербурга и его обитателей уже при первой публикации произведения воспринимался литературными критиками в контексте творчества Достоевского.

Предреволюционный год — особенный в художественной эволюции Бунина. В его текстах к началу 1916 г. всё чаще и чаще звучат ноты тревоги. Писатель предчувствует, что мир находится на грани катастрофы. За несколько месяцев до «Петлистых ушей» Иван Алексеевич написал рассказ «Господин из Сан-Франциско», чтобы заострить внимание публики на необратимости крушения всех прежних устоев мира.

Критик Е. А. Колтоновская в своём письме от 27 января 1917 г. сообщала И. А. Бунину о том, насколько глубоко ее взволновала тревожная атмосфера «Петлистых ушей» и прямое соответствие художественной идеи произведения социальной реальности: «Сейчас все очевидцы мировых событий уже пришли к одной точке — к тому ощущению жизни и человека, которым проникнут Ваш страшный рассказ... Вы зачерпнули от самой гущи переживаемых теперь ужасов и это придало его непреходящему содержанию особенную остроту» [2, 745.]. Сам И. А. Бунин в письме к своему другу, художнику П. А. Нилусу от 27 мая 1917 г. подчёркивал, что для него в этом «страшном рассказе» особенно важны «адский фон и на нём здоровенная и ужасная фигура» [2, 389].

В центре повествования — жестокое убийство, которое совершает матрос Адам Соколович. Страшное, звериное начало, которое, по мнению И. А. Бунина, берет верх над гуманистическим, проступает в человеке с особой силой в периоды исторических потрясений и в местах концентрации зла.

Хронотоп бунинского рассказа связан с Петербургом 1910-х гг. Этот город, развивающийся вне религиозных и нравственных ограничений, идеально соответствует герою-выродку, его мировоззрению, его преступным наклонностям и безнравственной сущности. Пренебрежение такими чувствами, как раскаяние или искупление, надежда или святость, притягивает в такое место выродков, гениев, бродяг и убийц.

Уродливость пространства соответствует такой аномалии ее обитателей, как петлистые уши. С петлей ассоциирует автор и гнетущую атмосферу Петербурга — места нескончаемых преступлений.

Одним из первых на полемику бунинского текста по отношению к тексту Достоевского указал критик Ю. И. Айхенвальд. Он упрекал Ивана Бунина в том, что тот не показал, подобно Ф. М. Достоевскому, раскаявшегося героя, что решил пойти вне традиций русской литературы XIX в., где герои, совершив преступление, несли наказание в виде собственных

теорий и нравственных терзаний.

Адам Соколович лишь отдалённо напоминает Федора Раскольников. Он представитель другой эпохи. И деградация личности, которая обнаруживает себя в бунинском герое, соответствует времени глобальных катастроф. Теперь преступник не испытывает мук совести. Соколович убеждённо говорит о преступлении, как о привычном деле: «...убивают, ничуть не горячась, а убив, не только не мучаются, как принято это говорить, а напротив, приходят в норму, чувствуют облегчение... И вообще пора бросить эту сказку о муках совести, об ужасах, будто бы преследующих убийц» [3, 224].

По мнению Бунина, такая чудовищная метаморфоза произошла с человеком потому, что изменилось само время, когда убийство целых народов становится нормой: «турки зарезали сто тысяч армян, немцы отравляют колодцы чумными бактериями, окопы завалены гниющими трупами, военные авиаторы сбрасывают бомбы в Назарет» [3, 225].

При этом все эти злодеяния совершают люди, которые не считают себя преступниками, не считают преступниками их и окружающие. Адам Соколович цинично спрашивает своих собеседников: «Мучается какой-нибудь Париж или Лондон, построенный на человеческих костях и процветающий на самой свирепой и самой обыденной жестокости к так называемому ближнему?» [3, 225]. Масштабы преступлений огромны, а число убийц автор исчисляет целыми государствами. Массовые злодеяния остаются безнаказанными.

Не наступает возмездие и Адама Соколовича. Для него убийство было и остается делом обычным, совершаемым в череде прочих житейских дел без волнений и угрызений совести.

Поэтика этого рассказа продумана Буниным до мелочей. С одной стороны, она порождает прямые ассоциации с «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевского, с другой — вызывает ощущение полемики автора «Петлистых ушей» по отношению к его литературному предшественнику. Известно, что Иван Алексеевич часто относился к художественному стилю Достоевского критически. Он укорял автора «великого пятикнижия» за однообразие композиционных приемов и прямо говорил: «Достоевский плохой писатель» [4, 51], у которого все литературные ресурсы сосредоточены на анализе душевного переживания героя, а не на раскрытии подлинной картины жизни.

Однако психологизм и философский ракурс прозы Ф. М. Достоевского становятся интересны и важны для И. А. Бунина, когда он обращается к публицистике, в частности, к циклу «Окаянные дни». На страницах этого произведения Иван Алексеевич цитирует роман «Бесы» и «Дневник писателя». Рассуждая об истоках русской революции, он постоянно опирается на идеи Достоевского.

По мнению Ю. М. Лотмана, Бунин хотел «переписать» классическую традицию заново, и Достоевский для него «был постоянным и мучительным собеседником» [5, 184]. Это объясняет, почему в бунинских текстах так много аллюзий, сюжетных переключек, по-своему адаптированных образов и мотивов Достоевского. Бунину были близки темы, которые составляют суть содержательной стороны прозы Федора Михайловича Достоевского, связанные с противоречиями поступков под влиянием страстей. Но Бунин отрицал форму выражения этих тем — «достоевщину», то есть слезливую мелодраму. Лотман выразил такую ситуацию художественно-эстетического противостояния метафорой «чужой дом на своей земле» [5, 172].

Рассказ «Петлистые уши» можно рассматривать как пародию в тыняновском понимании на роман «Преступление и наказание», т.е. как процесс отталкивания от исходного текста и введение его в новый литературно-художественный контекст. Точку зрения, что бунинский рассказ об Адаме Соколовиче является исключительно пародией на «достоевщину» развивает Р. Боуи. Но следует обратить внимание, что литературовед воспринимает пародию как жанровую форму, а не как бунинскую установку на трансформацию устаревшей литературной традиции. Боуи пишет: «Попытка Бунина написать пародию и использовать острую иронию срabатывает не очень удачно. Он не может достаточно искусно справиться с такими вещами. Отсутствие у Бунина высокой оценки иронии и пародии, а также недостаточность юмора в его произведениях являются теми характерными чертами, которые прочно связывают его с традициями русской литературы XIX в. Но, несмотря на старомодную сентиментальность, в его прозе есть такие особенности, которые делают его в значительной степени писателем XX века. Это — примесь романтизма, мрачный юмор, а также ирония в духе Достоевского» [6, 704].

Роберт Боуи считает, что линия художественной полемики Бунина с автором «Бесов» начинается в 1910 г. с рассказа «Деревня», затем обретает ещё более очевидный полемический характер в 1913 г. в бунинском рассказе «Я всё молчу», когда автор начинает сосредотачиваться на жестокости человеческой природы. В позднем творчестве Ивана Алексеевича сохраняется переключка с прозой Достоевского: и в «Деле корнета Елагина» (1925), и в «Благосклонном участии» (1929), и в ряде других произведений.

Рассказ «Петлистые уши» интересен попыткой переосмысления И. А. Буниным «петербургского текста» Достоевского. Уместно вспомнить, что В. Н. Топоров видел особенности этого текста в следующем: «Петербург — центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Петербург — бездна, — иное царство, смерть» [7, 8]. В рассказе Бунина обнару-

живается большое количество деталей, символизирующих мертвенность существования, также как и у Достоевского.

В бунинском тексте Петербург предстает адским пространством, местом хаоса и разрушения постольку, поскольку оказался под действием той разрушительной энергии, которая накрыла весь мир и нависла петлей над ним. Эта энергия уничтожает всё живое и приводит человека к мысли о допустимости убийства в условиях глобальных потрясений. «Напряжение между полюсами проходит в мире Бунина не по вертикали: у него нет „верха“ и „низа“, неба и земли, праведности и греха, духа и плоти. Ось противоречий иная: жизнь — смерть, наслаждение и мука, восторг и ужас» [8, 60]. Если у Достоевского разрушение обусловлено личным выбором человека, его нравственной траекторией между богом и дьяволом, то Бунин определённо говорит о том, что деградация и нравственное падение человека обусловлены социальными и историческими катаклизмами, приводящими общество к новой норме жизни: массовым убийствам, геноциду, разрушению национальных устоев государства.

Не менее важна и вторая составляющая хронотопа — время. Между героями Достоевского и Бунина — более полувека, сложного и драматичного по накалу политических страстей: 1860-е гг. и начало начала XX в. Террор, революции, а главное — мировая война превратили человеческую смерть в дело обычное, когда исчисление потерь начинают связывать не с одной жизнью, а с тысячью.

Следы текста Достоевского в рассказе «Петлистые уши» очевидны. Но они свидетельствуют не о желании Бунина показать архаичность текстов Достоевского для русской литературы XX в., а скорее подчеркнуть, как изменились задачи самой литературы. Теперь, когда в мире нарастает хаос, писатель должен искать причины тех глобальных изменений, которые разрушают человека. Бунин «отталкивается» от произведения своего предшественника и показывает идеи и образы Достоевского в новых исторических условиях. «Исходя из собственного мироощущения связи „всего со всем“, Бунин отчетливо чувствует приближение катастрофы и передает в рассказе, чем грозит явление, описанное Достоевским, в современную ему эпоху и последующие десятилетия. И спустя всего лишь два года Бунин приступит к написанию дневниковых записей, легших в основу „Окаянных дней“, где преступники без наказания будут свободно ходить по улицам российских городов и вершить свои зверские преступления под эгидой революции» [9, 279].

Завершая разговор, вернемся к структуре сборника. Если «Петлистые уши» должны были, по авторскому замыслу, стать стержнем первой части, то камертоном второй части сборника Ивана Алексеевича Бунина являлся рассказ «Аглая», читая кото-

рый, по справедливому замечанию Р. Боуи, «мы легко обретаем дыхание его лиризма и забываем о его жизненной борьбе с достоинством» [6, 714]. Такой порядок частей свидетельствует о желании сделать посмертный сборник своего рода посвящением русской классической литературе. Здесь мы не только ощущаем «присутствие» Достоевского, Чехова и Толстого в текстах Бунина, но и своего рода обретение автором собственного голоса через диалог с русскими классиками — предшественниками и классиками-современниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. О Чехове. Незаконченная рукопись / И. А. Бунин. — Нью-Йорк, 1955.
2. Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / И. А. Бунин; подготовка текстов писем и комментариев С. Н. Морозова и др.; под общей ред. О. Н. Михайлова; Рос. Акад. наук, Институт мировой литературы им. Горького и др. — М., 2003.
3. Бунин И. А. Легкое дыхание / Сост. и автор вступ.

*Воронежский государственный университет
Дьякова Т. А., доктор культурологии, профессор кафедр
истории философии и культуры*

ст. Т. А. Никонова. — Воронеж, 2020.

4. Кузнецова Г. Н. Грасский дневник / Г. Н. Кузнецова. — М., 2016.
5. Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина: К проблеме «Бунин и Достоевский» / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. — Таллин, 1993.
6. Боуи Р. Достоевский и «достоевщина» в произведениях и жизни Бунина / Р. Боуи // Иван Бунин: Pro et contra. — СПб., 2001. — С. 700–713.
7. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. — СПб., 2003.
8. Сливцкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004.
9. Качков И. А. «Переписанный» Достоевский: о хромоте и цветовой символике рассказа И. А. Бунина «Петлистые уши» / И. А. Качков, Ю. С. Ползунова, Н. Д. Чернокутова // Трижды юбилейный...: Сборник статей молодых учёных, посвященный 150-летию И. А. Бунина, 80-летию филологического факультета, 5-летию Бунинского общества УрФУ. — Екатеринбург, 2020. — С. 274–279.

*Voronezh State University
Dyakova T. A., Doctor of Cultural Sciences, Professor,
Department of History of Philosophy and Culture*